

И. Забелин

Русское искусство

**Черты самобытности в древне-
Русском зодчестве**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Забелин**
Русское искусство: Черты самобытности в древне-Русском зодчестве / И. Забелин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 162 с.

ISBN 978-5-518-00015-5

С 20 автотипическими изображениями, планами и портретом автора.

ISBN 978-5-518-00015-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Московскій соборный храмъ Покрова пресв. Богородицы (Василій Блаженный) съ сѣверной стороны.

занявшій свое мѣсто и въ общей Исторіи Зодчества, вмѣстѣ съ тѣмъ служить какъ бы типическою чертою самой Москвы, особенною чертою самобытности и своеобразія, какими Москва, какъ старый Русскій городъ, вообще отличается отъ городовъ Западной Европы. Въ своемъ родѣ это такое же, если еще не бѣльшее, Московское старинное и притомъ народное диво, какъ Иванъ Великій, царь-колоколь, царь-пушка. Западные путешественники и ученые изслѣдователи исторіи зодчества, очень чуткіе относительно всякой самобытности и оригинальности, давно уже оцѣнили по достоинству этотъ замѣчательный памятникъ русскаго художества. Храмъ дѣйствительно производитъ впечатлѣніе особаго дива и тѣмъ въ бѣльшей степени, что вовсе не согласуется съ установленными понятіями объ архитектурныхъ формахъ, какими обыкновенно воспитывается и развивается эстетически-образованный глазъ: все въ немъ чудно, странно и на первый взглядъ не совсѣмъ понятно. Дабы провѣрить такое впечатлѣніе, воспользуемся рассказомъ нѣмецкаго путешественника Блазіуса ¹⁾.

Онъ говоритъ, что храмъ Василия Блаженнаго, самый диковинный изъ всѣхъ (въ Рос-

¹⁾ Reise im Europäischen Russland in den Jahren 1840 und 1841. I, 350 и слѣд.

си), для Русскаго зодчества имѣть почти такое же значеніе, какъ Кёльнскій соборъ для древне-германскаго. „Всѣ путешественники,—замѣчаетъ авторъ,—прямо или непрямо, но въ одинъ голосъ заявляютъ, что церковь производитъ впечатлѣніе изумительное, поражающее европейскую мысль. И это очень естественно, — заключаетъ онъ:—когда я самъ въ первый разъ неожиданно увидаль это чудище, то никакъ не могъ опомниться и понять, что это такое: колоссальное растеніе, группа крутыхъ скалъ, или зданіе?... Разсмотрѣвши, что дѣйствительно это церковь, и тутъ ничего не понимаешь, не видишь, сколько сторонъ у зданія, гдѣ его лицо—фасадъ, сколько всѣхъ башенъ стоитъ въ этой группѣ? Входишь, наконецъ, въ храмъ (авторъ вошелъ въ боковой предѣль, гдѣ обыкновенно совершается богослуженіе) тѣсный, мрачный, въ высшей степени неправильный, и окончательно теряешься въ соображеніяхъ, какимъ образомъ ничтожное внутреннее пространство церкви вяжется съ ея наружнымъ объемомъ, на видъ колоссальнымъ и обширнымъ. Чудище становится еще загадочнѣе!“.

Присмотрѣвшись къ страннымъ, своеобразнымъ формамъ постройки и замѣтивъ во второмъ ярусѣ нѣкоторую симметрію въ расположеніи ея частей, авторъ все еще думалъ, что это настоящій лабиринтъ умышленнаго

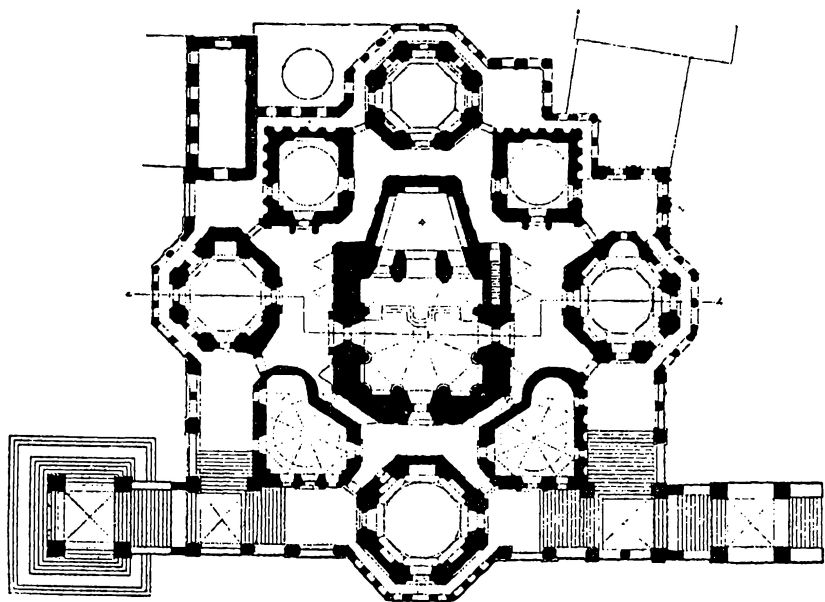
безпорядка. „Только взобравшись наверхъ,— говоритъ онъ,— начинаешь мало по малу понимать, что всѣ части храма расположены симметрично, что четыре большихъ башни стоятъ вокругъ средняго, главнаго зданія правильно, соотвѣтственно странамъ свѣта, на востокъ и западъ, на сѣверъ и югъ; что въ ихъ промежуткахъ расположены меньшія башни; что четыре пирамидальныхъ башенки на западной сторонѣ точно такъ же размѣщены симметрично и покрываютъ крылечные входы“. Вообще чертежъ второго яруса, по словамъ автора, уже достаточно обнаруживаетъ, что всѣ первоначальныя представленія о недостаткѣ симметріи и порядка въ расположении частей оказываются преждевременными и напрасными.

Послѣ подробнаго осмотра всей постройки, авторъ убѣдился, наконецъ, что это не одинъ храмъ, не одна церковь, а собраніе церквей, цѣлая группа, въ которой и все цѣлое, и каждая часть въ отдѣльности, устроены одинаково.

„Вмѣсто запутаннаго, нѣстройнаго лабиринта, — оканчиваетъ путешественникъ, — это ультра-національное архитектурное произведеніе являетъ полный смысла образцовый порядокъ и правильность“.

Признавъ въ устройствѣ храма строгую

цѣлесообразность и порядокъ, авторъ удивляется только странности замысла всей постройки. Въ какой мѣрѣ этотъ замыселъ былъ страннымъ и своенравнымъ для Русской древности, или онъ былъ только выра-

Планъ Московскаго соборнаго храма Покрова Пресв. Богородицы (Василія Блаженнаго).

женіемъ ея простыхъ обычныхъ понятій объ устройствѣ такихъ сложныхъ храмовъ, — все это, конечно, должна объяснить сама же Русская древность.

Относительно внѣшней уборки зданія, его всяческихъ орнаментовъ, авторъ замѣчаетъ

слѣдующее: „Еслибъ кто захотѣлъ точно опредѣлить всѣ эти формы украшеній и ихъ сочетанія, то пришлось бы составлять новую терминологию, потому что ни одинъ родъ обозначенія, заимствованный отъ извѣстнаго и разнороднаго архитектурнаго стиля, здѣсь не приложимъ». Но, по мнѣнію автора, вся эта причудливость строительной уборки еще можетъ быть оправдана строительнымъ же замысломъ. Авторъ не находитъ только смысла въ пестрой, яркой и нелѣпой, по его словамъ, раскраскѣ зданія снаружи и внутри. „Этою непостижимо нелѣпою живописью, прибавляетъ онъ, истинно запачканы всѣ стѣны и внутри и снаружи. Въ этихъ выющихся растеніяхъ, съ листьями, цвѣтами и плодами, выползающихъ изъ безобразныхъ цвѣточныхъ горшковъ, кто найдетъ смыслъ и вкусъ, у того, говоря по доброй совѣсти, должно отрицать и то, и другое» — заключаетъ авторъ ²⁾. Существовала-ли такая раскраска съ самаго начала постройки храма, или она произведена уже въ концѣ XVII столѣтія, при его возобновленіяхъ, объ этомъ пока нѣтъ прямыхъ извѣстій. Изъ словъ пу-

²⁾ Значеніе раскраски, но не всего сооруженія, дѣйствительно можетъ объясняться видѣніемъ Андрея Юродиваго. См. статью г. Чаева: О русскомъ старинномъ церковномъ зодчествѣ, «Древн. и Нов. Россія» 1875, г. № 6, стр. 142—144.

тешественниковъ, обозрѣвавшихъ храмъ въ началѣ XVII столѣтія, не видно, чтобы онъ въ то время также пестрѣлъ яркостью раскраски, о чемъ иноземцы могли бы сказать хотя два слова. О главахъ, какъ увидимъ, они прямо говорятъ, что онѣ были покрыты мѣдью и блистали на солнцѣ.

Блазіусъ вообще замѣчаетъ, что отъ безвкусной и причудливой пестроты въ раскраскѣ строеніе вблизи производитъ не совсѣмъ хорошее впечатлѣніе. Только на нѣкоторомъ разстояніи, когда всѣ цвѣтныя краски въ воздушной перспективѣ превращаются въ одинъ тонъ-колеръ, и всѣ пестрыя, курчавыя и безпокойныя формы зданія сливаются въ одно гармоническое цѣлое, только тогда храмъ „является въ своемъ чистомъ, идеальномъ образѣ“. Это послѣднее, очень выгодное впечатлѣніе авторъ объясняетъ особенно тѣмъ, что всѣ отдѣльные храмы въ группѣ отлично размѣщены между собою, какъ по отношенію къ своему объему, такъ и по отношенію къ своей вышинѣ. Система уменьшенія храмовъ одного передъ другимъ выражается, по словамъ автора, въ трехъ ярусахъ, или въ трехъ доляхъ, которыя своимъ стройнымъ расположеніемъ подчиняютъ всѣ части одной общей мысли и всѣ различныя формы—тому стройному единству, въ которомъ пропадаетъ курчавая пестрота

Таковъ очеркъ впечатлѣній, испытанныхъ при разсмотрѣніи нашего храма нѣмецкимъ путешественникомъ Блазіусомъ.

„Какъ изобразить это зданіе, самое непостижимое и чудное, какое только можетъ произвести воображеніе человѣка!“... восклицаетъ другой путешественникъ, французскій виконтъ Дарленкуръ ³⁾, обозрѣвавшій храмъ почти въ одинъ годъ съ Блазіусомъ. „Въ самой пестротѣ азіатскаго памятника, продолжаетъ онъ, проявляется безпримѣрное богатство изобрѣтенія и свобода идей. Надъ его луковичными куполами, похожими то на слѣпленіе сталактитовъ, то на мозаику изъ самоцвѣтныхъ камней, возвышается пирамидальный шпиль, оканчивающійся золотымъ шаромъ: тамъ группируется безъ порядка и плана масса маленькихъ портиковъ индѣйскихъ, кіосковъ китайскихъ, колонокъ греческихъ и пристроекъ византійскихъ. Все это вмѣстѣ можно бы почесть произведеніемъ варварскимъ, если бы искусство не было тамъ расточено щедрою рукою“.

Русскіе лѣтописцы, современники постройки храма, упоминаютъ, что „поставленъ былъ храмъ каменный преудивленъ, различными образцы и многими переводы, на

³⁾ Снегирева: «Памятники Московской Древности», стр. 348.

одномъ основаніи девять престоловъ“. Слово „переводъ“ въ древнемъ нашемъ художествѣ означало снимокъ, копію съ какого-либо образца (оригинала), такъ какъ и самая эта копія, переводъ, тоже именовалась нерѣдко образцомъ въ смыслѣ оригинала для послѣдующихъ копій. Все это даетъ основаніе заключать, что при постройкѣ храма художники руководились уже извѣстными образцами, что съ такихъ образцовъ они дѣлали переводы копій, по которымъ и производили свое сооруженіе, что, слѣдовательно, храмъ Василія Блаженнаго въ сущности есть группа копій съ нѣсколькихъ храмовъ, уже существовавшихъ въ то время. Онъ казался преудивленнымъ именно только въ своей группѣ, состоявшихъ изъ девяти особыхъ храмовъ, воздвигнутыхъ на одномъ основаніи. Это самое и было дивомъ, то-есть предметомъ еще небывалымъ въ тогдашнемъ каменномъ зодчествѣ.

Коснемся здѣсь вкратцѣ самой исторіи постройки этого дива.

Первоначально, въ память взятія Казани, этотъ храмъ былъ построенъ въ 1553 г. деревянный во имя св. Троицы. Потомъ осенью 1554 г., послѣ взятія Астрахани, была задумана новая постройка храма во имя Покрова

съ предѣлами, ⁴⁾ также деревяннаго, который торжественно и былъ освященъ въ самый праздникъ Покрова, 1 октября. Послѣ того, лѣтомъ 1555 г., былъ заложенъ настоящій храмъ каменный о девяти верхахъ, также во имя Покрова съ восемью предѣлами, поставленными „на возвѣщеніе чудесъ Божиихъ о Казанскомъ взятѣ и Астраханскомъ, въ которые дни (празднуемыхъ святыхъ) бысть Божія помощь, побѣда православному царю надъ бусурманы“. Имена этихъ предѣловъ слѣдующія: 1) Живоначальная Троицы, 2) Входъ въ Іерусалимъ. 3) Николая Чудотворца Великорѣцкаго, 4) Кипріана и Устиніи, 5) Варлаама Хутынскаго, 6) Александра Свирскаго, 7) Григорія епископа Великія Арменіи, 8) Александра, Іоанна, Павла новыхъ патріарховъ Цареградскихъ. Постройка храма продолжалась лѣтъ пять. Предѣлы были окончены въ 1559 году и 1 октября съ торжествомъ освящены. „А большая церковь, замѣчаетъ лѣтописецъ—средняя, Покровъ Пресвятыя Богородицы, тогда не (была) совершена“, слѣдовательно, окончательная постройка храма должна относиться къ слѣдующему 1560 году. (Карамзинъ И. Г. Р. т. VIII, пр. 587;

⁴⁾ Предѣлъ, не значитъ придѣланный, какъ пишутъ: придѣлъ, а значитъ отдѣленный, отдѣльный престоль храма.